

Александр Эртель

Идиллия

Александр Эртель

Идиллия

«Public Domain»

1883

Эртель А. И.

Идиллия / А. И. Эртель — «Public Domain», 1883

«Есть у меня статский советник знакомый. Имя ему громкое – Гермоген; фамилия – даже историческая в некотором роде – Пожарский. Ко всему к этому, он крупный помещик и, как сам говорит, до самоотвержения любит мужичка. О, любовь эта причинила много хлопот статскому советнику Гермогену...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	11
Комментарии	

Александр Иванович Эртель

Идиллия

Есть у меня статский советник знакомый. Имя ему громкое – Гермоген; фамилия – даже историческая в некотором роде – Пожарский. Ко всему к этому, он крупный помещик и, как сам говорит, до самоотвержения любит мужичка.

О, любовь эта причинила много хлопот статскому советнику Гермогену... Так, например, когда не издыхало еще крепостное право, Гермоген, благодаря этой любви, был некоторое время даже под опекой. Вам непонятно это? Вы тут не видите логики? О, это только на первый раз как будто оно и действительно непонятно... – Дело в том, что Гермоген так старательно следил за благосостоянием мужичков своих и с такой настоятельностью внушал им правила экономической и душевной благопристойности, что дал повод сопричислить себя к сонму помещиков, «злоупотреблявших своим правом». Кроме того он, поглощенный мыслью о присовокуплении благородного элемента к мужичковой простоте, не оставлял втуне «права» *primaе noctis*...¹ Все это, как я и сказал, повело за собой опеку. Это было, разумеется, в 1856 году. Он покорился и стих, погубив в груди чувство справедливого негодования.

В пору губернских комитетов^[1], памятуя нежность Гермогена к мужичку, его призвали. Комитету он дал тон. Комитет проектировал: майораты – раз, патронатство – два, и, в-третьих, ограничение наделов усадьбами. Гермогена вместе с проектом отправили в Петербург. Там, в комиссиях и в салонах, в вельможеских приемных и в гостиных великолепных львиц, об одном просил он слезно, об одном неотступно молил – не обездоливать мужичка, не покидать его на волю судеб, не лишать его благотельного воздействия помещика, не давать его в жертву «красным» – Ростовцеву и К^о...^[2] Он молил: «Уразумейте же, наконец, алчбу и жажду мужичкову – дайте ему поле для самостоятельности, поручив самому отправлять государственные повинности, как и подобает полноправному сыну отечества; пробудите в нем самостоятельность, воздвигните перед ним идеал упорного и настойчивого труда, пусть он действует *motu proprio*² (Гермоген питал страсть к латыни), но вместе с тем все эти высокие проявления мужичковой души урегулируйте воздействием помещика... Не упраздняйте нашего родного, краеугольного принципа семейственности: „Вы наши отцы, мы ваши дети“, – не опустошайте души народной, не рвите исконной связи благородного дворянства с его добрым, благодарным мужичком. Крепостное право – зло, и я сознаю это, вещал Гермоген, проливая токи умиленных слез, – и я благословляю молодого императора... Зло оно тем, что развращает мужичка отсутствием идеалов экономических, что приучает его смотреть на жизнь как на блюдо, полное яств, которым, что бы он ни делал, конца не будет... Итак, освободите его, дайте ему усадьбу и широкое поле... самостоятельности. Но не отнимайте от него вместе с этим идеалов нравственных. Пусть новые экономические его идеалы непрестанно облагораживаются, непрестанно смягчаются нынешними нравственными. Пусть образ „доброе помещика“, образ „ангела-барыни и барышни-благотельницы“ не испаряется из благодарной мужичковой души и вечно умиляет ее, вечно располагает к добру и трудолюбию... А для этого вооружите помещика атрибутами и судьи, и старшины, и начальника». В противном случае он, конечно, вызывал призраки «крестьянской войны» и «Пугачевщины», а дальше – всеобщей анархии и всеобщей гибели, и грозил этими призраками несчастной России.

И в конце концов снова пострадал: ему посоветовали исчезнуть из Петербурга, и при том, по старой памяти, исчезнуть в баснословно краткий срок. Он исчез, разумеется. Он снова покорился, затаив в душе горькое чувство обиды и томительную гражданскую скорбь.

¹ Первой ночи (лат.).

² По собственному побуждению (лат.).

И вот, в глуши, в деревне, в своем пустынном Монрепо, – Гермоген предвосхитил Щедрина^[3], – он смиренно изобразил Цинцинната^[4]. С заступом в одной руке и с пером в другой неустанно трудился он на пользу отечества. Он всю Россию наводнил брошюрами. Эти брошюры печатались и у Брокгауза в Лейпциге, и у Каткова в Москве, и в Берлине, и в Дрездене, – и начинались всегда одинаково: «Блаженнейшей памяти императрица Екатерина Великая, от неизреченных щедрот своих соблаговолив пожаловать благородному дворянству всемилющейшей грамоту 21 апреля 1785 года...», а кончались: «Не обижайте мужичка, не отгоняйте его от помещика, не тревожьте его идеалов... Памятуйте ужасы французской революции, злодея Пугачевщины!» Кроме брошюр этих, сочинял он статьи и рефераты, трактаты и докладные записки. Но, увы, лавры не венчали старика на литературном поприще... Брошюры его не раскупались, и он почти силой навязывал их своим знакомым и даже рассылал по адресам, собранным из календарей. Все это стоило денег. Что касается до статей – даже редакция самого крепостнического издания непрестанно отвергала их, изобличая Гермогена в безграмотности. Рефераты Гермогена повергали непременных слушателей в уныние и сон, трактаты – гнили, а докладные записки в благодушные минуты сановники цитировали для развлечения, как во время оно Телемахиду^[5] и оды Хвостова^[6].

И было время, когда Гермоген упал духом, – «ослаб», по его выражению. Но тут подошла работа «освобождения», и он забылся в ней от литературных тревожений мятежных, отдался этой работе всею своею душой. С утра до ночи слонялся он с мужичками по полям, с утра до ночи задавал им пиры и произносил медовые речи. И в конце концов уставная грамота благополучно сошла у него с рук, а мужички очутились «на даренке». Гермоген успокоился. И когда в присутствии всех дворян околотка благодарные мужички поднесли ему серебряное блюдо с хлебом-солью (блюдо сам Гермоген и на свои деньги заказывал у Сазикова), он вздохнул отрадно и, пожимая мужичкам крепко руки, прослезился.

После же уставных грамот наступило царствие Бутенопа^[7]. Гермоген и Бутенопу дань уплатил. Он даже из Саксонии рабочих выписал и настроил великое количество немецких фургонов... Впрочем, на этом и сел, ибо вовремя уразумел тщету заграничного труда. Саксонцы разбрелись из Монрепо оборванные и голодные. Гермоген возвратился к исконной первобытности, к трехполке, и к своим, в то время уже обнищавшим на «даренке», мужичкам.

А время текло; почва зрела все это время, и вот в одно прекрасное утро Гермоген Пожарский снова очутился на горе стоящим. Снова воспрянул он, и помолодел, и не стихает уже до сей поры, а напротив, как бы остервеняется и усугубляет свою ревность. Дело в том, что он очутился земским гласным.

И он окончательно предался мужичку. При первом же дебюте своем он заявил об этом земскому собранию ясно и решительно и поднял свое знамя с умильной торжественностью. Весь трепещет от волнения, с дрожащими коленками и с бакенбардами, мокрыми от слез, он прерывающимся голосом произнес свою исповедь. Он говорил:

– Ныне отпускаеши раба твоего!.. Дожил я, господа гласные, до часа, коего вожделем и многие-много лет тщетно и томительно ожидала душа моя... Дожил я, господа гласные, до той минуты, коей величие стесняет дух мой и старческое мое сердце заставляет трепетать в некоей сладости!.. – Я стою теперь и мыслю: за что пострадал я? за что претерпел я? за что на поприще и помещика и советодателя был посрамлен я и выметен совместно с плеведами?... Стою, и мыслю, и воссылаю провидению благодарение. Ныне доспел тот час, в который я, немощный, удрученный летами старец, посрамлю кичливых врагов моих и докажу им, что я и мужичок, – простой православный мужичок и я, представитель древнего рода Пожарских, – тело и дух, воля и действие, следствие и причина... В духе исконных помыслов мужичковых и в духе мужичковых смиренных воззрений вся моя жизнь происходила, на рубеже которой стою теперь... И меня закидывали грязью, меня заушали, меня на всех распутиях вменяли к

крепостникам и к врагам народа... Sic transit gloria mundi!³ – Теперь же что мы видим! – Мы видим в половине собрания нашего мужичков. Одни из них претерпели двойное избрание, двойную почесть: почтены должностью старшин волостных и обязанностью гласного, другие – по достатку своему, по своей сметливости и здравомысленности, по своей приближенности к властям, суть цвет деревни, ее соль – и среди них я, коего предки помнят Иоанна Калиту^[8], а некоторые из них доводились свойственниками самому знаменитому спасителю отечества – князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому... (Это Гермоген соврал.) Я вожделею к ним, они ко мне вожделею. Я верую в здравость идеалов ихних, они верят в мои идеалы. До сей поры все это могло казаться гадательным. Пусть же теперь предстанет воочию единство наше и пусть изменники-либералы посрамятся!.. Они буйствовали, эти исчадия, они злословили, они торжествовали победу, но они забыли мудрое латинское изречение: *finis coronat opus!*⁴

И Гермоген не ошибся. Сразу стал он угоден мужичкам. Поднималось ли предложение усилить медицинскую часть назначением докторов и акушеров, Гермоген вставал и говорил кротко:

– Мы, полагаю, и без того обременены... (Мужички кивали головами.) Мы и без того отягощены поборами... (Мужички поддакивали.) – А в болезни против воли божией не пойдешь... (Мужички благоговейно соглашались.) – От смерти никакой доктор не вылечит, – продолжал он. – Притом же, простые мужичковы болезни очень успешно исцеляют и простые мужицкие бабки. Много даже и таких видим примеров, что бабки вылечивают болезни, над которыми становились в тупик знаменитейшие доктора. Я знаю много таких примеров. И я полагаю, что доктора мужичку не нужны, ибо это только излишняя тягота. Что же касается акушеров, то об них смешно и говорить, – всякая старуха в деревне великолепно поможет роженице. И притом небезызвестно, что все они безбожницы и нигилистки...

И мужички восторженно гудели: «А-ах, верно, братцы... Правда твоя, барин, правда, батюшка Гермоген Абрамыч... Не надо лекарей... Не хотим кушеров... Нет на то нашего согласия!..» – и предложение блистательно испарялось.

Проектировалось ли расширение народного образования, и тут Гермоген тянул в унисон с мужичками. Начинал, разумеется, снова о тяготе поборов и затем продолжал так:

– ...К чему мужичку грамота? – Пахать? – Он без нее может... Условие написать? – Напишут в волости... Молитвы читать? – В церкви прочитают... А кроме того, что мы видим? – Видим мы – грамотный зазнаётся, грамотный не почитает родителей, грамотный привержен к кабаку и к различным художествам, наконец, грамотный ударяется в раскол и самую душу свою повергает в ад... А между тем в евангелии мы читаем: горе тому, кто соблазнит единого от малых сих, легче бы ему повязать жернов на шею и утопиться...

И мужички снова кричали: «А-ах, исполать тебе, батюшка барин!.. Исполать тебе, Гермоген Абрамыч!.. Не желаем училишше!.. Не надо грамоты... Нет на то нашего согласия, чтоб ежели, к примеру, маладенцев сомущать!..» – И снова торжествовал статский советник Гермоген Пожарский.

И вот он стал силой. Он гордо величал себя «народником» и в сопутствии мужичков своих вершил все земские дела по рецепту «мудрости исконной и смиренных народных воззрений». Но надо отдать ему справедливость: за колебанием этих «воззрений» наблюдал он тонко, и когда что-либо новое назревало в них, то уступал и подлаживался под это новое и обессиливал его – если оно было неприятно – подвохами, но отнюдь не ломился на рожон, как то свойственно наивному медведю. Так в последние годы уступил он в вопросе школьном, почуяв на этот счет некий поворот во мнениях своих мужичков, вдруг возмнивших, что «без грамоты по новейшим временам – пропадать», – и школы выросли как грибы. Но вместе с тем

³ Так проходит земная слава (лат.).

⁴ Конец венчает дело (лат.).

Гермоген втерся в училищный совет и ковал свои подвохи непрестанно и из школьного дела вытраивал всякую жизнь, всякие попытки на серьезность. Дело в том, что, уступив мужичкам наружно, в душе он все-таки веровал, что школа для них гибель. А он так любил их!.. Теперь восстановлю наружность Гермогена. Это, впрочем, не трудно. Вообразите вы глаза совы, нос стервятника, губы и бородку козла это и будет Гермоген. В соответствии с этим и душевные его свойства изображались. В присутствии юбки напрягался в нем козел; когда приносился запах поживы – оживал стервятник; веяло мраком – поднималась сова... И ко всему к этому прибавьте сладкий голос, тихие ужимочки, смиренное опускание взоров, крепкое пожимание рук.

Меня он любил, и мы были с ним знакомы.

Так вот этого самого Гермогена, этого самого статского советника и отчаяннейшего народолюбца встретил я в конце масленицы у соседа моего, помещика Иринья Гуделкина. Встретил я его и по обычаю поспорил.

- Народ беден, – говорю.
- Народ счастлив, – говорит.
- Народ озлоблен, – говорю.
- Народ благодушествует, – говорит.
- У него нет просветителей! – горячился я.
- Тех, которые есть, – предостаточно, – возражал Гермоген.
- Они сами невежды...
- Но они смиренномудры и не заносчивы...
- Но народу, помимо смиренномудрия, нужны знания...
- Символ веры и начатки катехизиса.
- Но ему нужен пример и новая постановка идеалов...
- Он и без примера доблестен, и с идеалами исконными счастлив. – И опять:
- Но он озлоблен, развращен...
- Он кроток и благодушен.

И не знаю, как долго длился бы диалог этот, если бы Гермоген круто не оборвал его следующим предложением:

– Да чего лучше – примерчик на сцену. Вы знаете: *errare humanum est*⁵, а примерчик великое дело. *In facto*...⁶ Я всю жизнь за примерчик. – Вы с вашим батюшкой приходским знакомы, конечно. С отцом Вассианом?.. Ну, так вот-с завтра, в субботу-с, я обещал почтить его дом. Это, понимаете, польстит ему и подымет его в глазах товарищей. Ну, я и рад. Законоучитель и пастырь стада своего он отменный, и я почту. Вот приезжайте, и увидите. Увидите идиллию. Увидите мужичка в веселии, увидите незатейливых, но смиренномудрых и кротких наставников мужичковых... Там будут несколько учительниц, – вы знаете, я стараюсь по возможности мужчин заменять девушками. Понимаете, из духовного звания этак, сиротки, сиротки... И тогда решим, по мудрому правилу древних: *sine ira et studio*...⁷

Я согласился, и Гермоген, уже не оспариваемый, развивал свои мысли насчет достаточности наличных просветителей.

– Вы изволите говорить: «Несостоятельны они», – напротив, об одном ежечасно помышляю я, об одном забочусь, не слишком ли состоятельны... Очень и очень нужен зоркий глаз, чтобы не допустить развращения. Тут вечно нужно помнить правило: *si vis pacem para bellum*...⁸ Вот косо я гляжу на тамлыцкого батюшку: ряска у него на манер пальмерстона, поясок шелковый, воротнички наружу, и мне это сомнительно. Я слежу, конечно... Я предотвращу

---

⁵ Человеку свойственно ошибаться (*лат.*).

⁶ Фактически (*лат.*).

⁷ Без гнева и пристрастия (*лат.*).

⁸ Если хочешь мира, готовься к войне (*лат.*).

заразу... Я уж говорил владыке, но боже упаси... И тем более – нет соревнования. Вот недавно был случай в Лесках – учитель, сынок генеральский... Уж прямое дело!.. – Нет-с, погодим, посмотрим... Отлично посмотрим. Доставляет урядник – книжку отобрал, Милля!.. Чего еще? кажется, предостаточно?.. Нет-с, погодим. Отлично. Чем же кончается?.. А тем, что наставник коммуны начинает проповедовать, общинную обработку земель, общинное достояние... А? как вам это кажется?.. И вы не поверите, даже тогда – даже тогда! – мне, старику, немалых стоило настояний удалить явного, ничуть даже не замаскированного социалиста... Ох, трудна обязанность быть на страже непосредственности мужичковой!.. – Или вот еще недавно совершилось событие. Это уж в Красном Яру, у отца Вассиана. Поступает туда учитель. Рекомендации достаточные... Но, понимаете, есть в нем что-то... Однако допустил я его. Учит месяц, учит другой... Спрашиваю отца Вассиана, что? как? не замечаешь ли, как будто пахнет, а?.. И что же вы думаете: «Есть, говорит, ваш-ство, всенепременнейше, говорит, припахивает чем-то»... Понимаете – в одно слово... Слежу... «Как, спрашиваю, насчет Мак-Магона^[9] мыслите, господин наставник?» Понимаете, издалика... Ну, и сразу, сударь мой, он душок пустил. «Думаю, говорит, я, что Мак-Магон вроде как преступник, потому – нарушитель конституции», и все такое... Quod demonstrandum est...⁹ Но, однако, виду я не подал... Проходит время, разузнаю сторонкой – сбивает мужичков Нила Ерофеича, – хороший такой, богатый мужичок, – в гласные не избирать... А? каков?.. Наматываю на ус и жду. Приходит новый год. Доносят мне: красноярскому учителю «Отечественные записки» пришли... Как, «Отечественные записки»!.. Ну, тут уж я его, голубчика, и допек! – И вот теперь я спокоен. В Красном Яре учительница у меня вдова, предушевная бабенка, хе-хе-хе... В Лесках – сиротка одна из духовного звания... Помните нашего божественного Пушкина:

Мне стала известна,
И как интересна,
Сиротка одна...

И лик Гермогена ослабилась козлиной улыбкой.

Наутро я приказал Михайле запрячь в санки «Орлика» с «Копчиком» и отправился в Красный Яр к отцу Вассиану. Был пасмурный, но тихий денек, не холодный, но и без оттепели.

Еще не доезжая до Красного Яра слышался нам беспорядочный масленичный гул, особенно поражавший после мертвой тишины, как и всегда обнимавшей снежное поле. При въезде в село этот гул оказался просто оглушительным. Вдоль широкой улицы, разделявшей село на две почти равные половины, ярким, разноцветным потоком тянулись сани с разряженными девками и бабами, двигались толпы ребятишек и парней, летели тройки и пары... Песни, крики, нестройные разговоры, хриплавая ругань, лязг кнутов, звон бубенчиков, отчаяннейший визг гармоник – переполняли воздух каким-то сплошным завывающим стоном. Яркая безвкусица одежд, диковинное разнообразие упряжек и саней, бестолковейшее сочетание неизъяснимой нищеты и сытого довольства – все это резало глаза и до одури кружило голову. Там бабы в шелках и парчовых душегрейках тесною кучею громоздились на дровнишках, которые через силу тянула худая, как скелет, лошаденка, с боками, изнизанными кнутом. Здесь степенной рысцою трусил до невозможности раскормленный жеребец в сбруе, испещренной медными бляхами, с хозяином в дубленом полушубке и в окладистой бороде и с жирной хозяйкой. Рядом бежали городские санки с волоокими купчихами из соседних хуторов; за купчихами опять, напрягая все жилы, летела кляча, понукаемая оглушительным хохотом и дикими возгласами доброго десятка здоровеннейших мужиков, переполнивших санишки... За мужиками стремились ребятишки, как пчелы улепившие глубокие розвальни. Зипунишки с отцовского плеча и

⁹ Что и требовалось доказать (лат.).

рванные шапчонки не мешали им ломаться, подобно пьяным, и орать во все горло невозможные песни... И опять сани за санями, козырьки за городскими, дровни за розвальнями, мужики за бабами, купчихи за ребятишками, парни за девками... Бабы бестолково топтались в санях, визгливо оглушая улицу глупейшими плясовыми песнями и отчаянно размахивая руками. Девки чинно восседали по бортам саней и, уткнувши физиономии в рукава шубеек, пересмеивались, шелушили семечки и в свою очередь орали песни. Мужики либо шумно и бестолково галдели и пускали в ход пресквернейшие уподобления, либо тоже заводили песни охриплыми голосами... Все это, не исключая ни чинных девок, ни даже важных купчих в лисьих салопках, было либо совершенно пьяно, или близилось к тому. Казалось, самый воздух насыщен был хмелем, и в нем с какою-то бесшабашною пьяною удалью звенели колокольчики, гремели бубенчики и развевались вплетенные в гривы алые ленты и яркие платки в руках плясуний.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

«В пору губернских комитетов...» – В 1857 году был издан «высочайший» рескрипт об учреждении «губернских комитетов» для подготовки проектов крестьянской реформы. Создавая их, правительство фактически предоставляло помещикам полную свободу действий, делая их главными вершителями судеб крестьян, так как комитеты составлялись из губернских предводителей дворянства, выборных от уезда помещиков и двух «опытных помещиков» по назначению начальника губернии.

2.

«...не давать его в жертву „красным“ – Ростовцеву и К^о...» – Ростовцев Яков Иванович (1803–1860) – государственный деятель царской России, генерал-адъютант, некоторое время в молодости примыкал к декабризму, но отошел от движения и сообщил правительству о готовящемся восстании. Ростовцев принимал видное участие в подготовке «крестьянской реформы» 1861 года, будучи членом секретного и главного комитетов (1857–1858), с 1859 года был председателем редакционных комиссий, созданных для составления законопроекта об отмене крепостного права. Первоначально защищал крепостническую позицию, но под влиянием нараставшего революционного движения признал необходимость некоторых уступок, выступив за обязательное наделение крестьян землей, проведение выкупа крестьянских полевых наделов при содействии правительства, перевод крестьян на оброк, отказ от вотчинной полиции и проч. Летом 1858 года составил четыре письма Александру II, которые легли в основу политики правительства в крестьянском вопросе с 1859 года.

3.

«...предвосхитил Щедрина...» – Имеется в виду «Убежище Монрепо», произведение Салтыкова-Щедрина, печатавшееся в «Отечественных записках» в 1878–1879 годах.

4.

Цинциннат Люций Квинций – римский политический деятель и полководец; был консулом (460 год до н. э.) и диктатором (458 и 439 годы). Его называли гражданином, служащим отечеству «мечом и плугом», так как он от своих государственных обязанностей всякий раз возвращался к земледельческому труду.

5.

«Телемахида» (1766) – поэма Тредиаковского Василия Кирилловича (1703–1769), перевод гекзаметром прозаического романа французского писателя Фенелона «Приключения Телемака», Трудно переоценить заслуги Тредиаковского, поэта и ученого, перед русской литературой. Новиков, Радищев, Пушкин отмечали их. Но архаическая лексика «Телемахиды» и некоторая утяжеленность стиха вызывали насмешки современников.

6.

Хвостов Дмитрий Иванович, граф (1757–1835), стяжавший в литературе славу бездарного поэта. Он сам скупал свои сочинения.

7.

Бутеноп – владелец магазина сельскохозяйственных машин.

8.

Иоанн Калита – московский князь Иван Данилович (1325–1341), получивший в народе прозвище Калиты (старинное русское народное название денежной сумки или мешка).

9.

Мак-Магон (1808–1893) – маршал, бывший в 1873–1879 годах президентом Французской республики, клерикал и антиреспубликанец, замышлявший реставрацию Бурбонов. В 1871 году, стоя во главе версальцев, играл активную роль в подавлении Парижской Коммуны.